

Обзор практики Конституционного Суда России по вопросам, касающимся профессиональных прав адвокатов

В обзоре представлены позиции Конституционного Суда России (далее – Конституционный Суд), касающиеся профессиональных прав адвоката. В рамках исследования были проанализированы 45 решений Конституционного Суда (6 постановлений и 39 определений), вынесенных за период с 1999 по 2017 год.

Конституционный Суд неоднократно отмечал, что адвокат, действуя в качестве представителя или защитника, преследует не личные интересы, а интересы своего доверителя. В связи с этим Конституционный Суд нередко признает жалобы адвокатов недопустимыми, поскольку правоприменительные решения по делу, по мнению Суда, затрагивают права доверителей, но не их защитников (*Определения от 16 июля 2013 года № 1122-О, от 23 июня 2009 года № 1019-О-О, от 25 сентября 2014 года № 1916-О, от 28 марта 2017 года № 542-О, от 23 июня 2009 года № 934-О-О, от 27 октября 2015 г. № 2502-О*). Тем не менее, Конституционный Суд признавал особый статус адвокатов, подчёркивая, что они осуществляют деятельность, имеющую публично-правовой характер, поскольку реализуют право каждого на получение квалифицированной юридической помощи, как это вытекает из статей 45 (часть 1) и 48 (часть 1) Конституции (*Постановление от 23 декабря 1999 года № 18-П*). В настоящем разделе представлены решения Конституционного Суда, где заявителями выступали как адвокаты, так и их доверители.

Также в качестве предварительного замечания следует отметить, что по вопросам конституционности положений Федерального закона от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации») Конституционный Суд не принимал ни одного решения в виде постановления. Тем не менее, конституционно-правовой смысл некоторым положениям указанного закона дан в ряде важных для правоприменения определениях.

Решения Конституционного Суда, проанализированные в обзоре, касаются таких вопросов, как порядок предоставления свиданий с адвокатом (1), право адвоката на ознакомление с материалами уголовного дела, в том числе со сведениями, содержащими государственную тайну (2), право адвоката на сбор информации, необходимой для оказания юридической помощи (3), обязанность адвоката не разглашать данные предварительного расследования (4), гарантии защиты адвокатской тайны (5).

1. Порядок предоставления свидания с доверителем, содержащимся под стражей

Конституционный Суд неоднократно подчёркивал, что непосредственное общение с адвокатом является важной составляющей права на получение квалифицированной юридической помощи, которое ни при каких условиях не может быть произвольно ограничено, в том числе в части определения количества и продолжительности предоставляемых свиданий (*Постановление от 26 декабря 2003 года № 20-П*).

Ключевые позиции по вопросу о порядке предоставления подозреваемым и обвиняемым свиданий с адвокатом сформулированы в *Постановлении от 25 октября 2001 года № 14-П*. В постановлении рассматривается конституционность требования, согласно которому для предоставления обвиняемому или осужденному свиданий с адвокатом последнему необходимо предъявить документ о допуске к участию в уголовном деле в качестве защитника, выданного лицом или органом, в производстве которых находится дело. Основные тезисы *Постановления от 25 октября 2001 года № 14-П*, можно представить следующим образом:

- Выполнение адвокатом процессуальных обязанностей защитника не может быть поставлено в зависимость от усмотрения должностного лица или органа, в производстве которых находится уголовное дело, основанного не на перечисленных в уголовно-процессуальном законе обстоятельствах, исключающих участие этого адвоката в деле.
- Требование обязательного получения адвокатом (защитником) от лица или органа, в производстве которых находится уголовное дело, разрешения на допуск к участию в деле означает, что подозреваемый и обвиняемый могут лишиться своевременной квалифицированной юридической помощи, а адвокат (защитник) – возможности выполнить свои профессиональные и процессуальные обязанности, если получению такого разрешения препятствуют обстоятельства объективного (отсутствие следователя) либо субъективного (нежелание следователя допустить адвоката на свидание) характера.

Конституционный Суд неоднократно ссылался на указанную позицию в ряде определений об отказе в принятии к рассмотрению жалоб о нарушении конституционных прав статьёй 18 Федерального закона от 15 июля 1995 года № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» (далее – Федеральный закон № 103-ФЗ). Как следует из *Определения от 25 октября 2016 года № 2358-О*, заявители оспаривали данное положение, поскольку оно предполагает разрешительный порядок допуска к участию в деле в качестве защитника. Конституционный Суд еще раз отметил, что отсутствие сведений о наделении адвоката статусом защитника по уголовному делу не является основанием для отказа в доступе адвоката в место содержания под стражей, а равно об отказе в продолжении его свидания с подозреваемым или обвиняемым (*см. также: определения от 22 апреля 2010 года № 596-О-О и от 23 июня 2016 года № 1432-О*). «Наличие таких сведений у администрации следственного изолятора обеспечивается её отношениями со следователем, которые по своему характеру не относятся к уголовно-процессуальным и в которые не могут вовлекаться иные участники уголовного судопроизводства, в том числе со стороны защиты».

Таким образом, Конституционный Суд сформулировал однозначную позицию, согласно которой действующее правовое регулирование закрепляет уведомительный, а не разрешительный порядок вступления адвоката в дело в качестве защитника. Следовательно, отсутствие уведомления от следователя о допуске адвоката в качестве защитника не является законным основанием отказа в предоставлении свидания с ним (*Определение от 23 июня 2016 года № 1432-О*).

На рассмотрении Конституционного Суда находился вопрос о порядке предоставления осуждённым, переведённым в период отбывания наказания в виде лишения свободы в штрафной изолятор или помещение камерного типа, свиданий с адвокатом. В *Постановлении от 26 декабря 2003 года № 20-П* предметом рассмотрения являлись положения частей первой и второй статьи 118 УИК РФ, содержащие запрет на свидания для осуждённых, водворённых в штрафной изолятор и ограничение количества свиданий одним краткосрочным свиданием в течение шести месяцев для осуждённых, переведённых в помещение камерного типа. Конституционный Суд подчеркнул, что такие осуждённые находятся в подчиненном, зависимом от администрации исполняющего наказание учреждения положении. В связи с этим реализация права на юридическую помощь зависит от того, существуют ли условия, позволяющие осуждённому сообщить адвокату о своих требованиях и предоставить всю необходимую для их отстаивания информацию, а адвокату – оказать своему доверителю консультативную помощь и согласовать с ним действия по защите его прав и законных интересов. Конституционный Суд исключил такое толкование статьи 118 УИК РФ, согласно которому администрация учреждения, исполняющего наказание в виде лишения свободы, имела право отказать осуждённому, переведённому в

штрафной изолятор или помещение камерного типа, в свидании с адвокатом. Заявителем по данному делу являлся сам осуждённый.

2. Право адвоката знакомиться с материалами уголовного дела, в том числе со сведениями, содержащими государственную тайну

Адвокату должны быть обеспечены процессуальные гарантии для надлежащей подготовки и изложения своей позиции, а также предоставлены другие правомочия, необходимые для их участия в уголовном судопроизводстве на равноправной основе с органами и должностными лицами. Принцип равенства сторон предполагает возможность ознакомления с процессуальными документами и материалами, содержащими сведения о фактических обстоятельствах, свидетельствующих о наличии или отсутствии в деянии признаков преступления. Такую позицию Конституционный Суд сформулировал в ряде своих решений, а именно в *Постановлении от 6 ноября 2014 года № 27-П*, *Определении от 28 марта 2017 года № 542-О*.

В *Постановлении от 6 ноября 2014 года № 27-П* предметом рассмотрения Конституционного Суда являлись положения статей 21 и 21.1 Закона Российской Федерации «О государственной тайне» в той мере, в какой они ограничивали право адвоката, являющегося представителем лица, требующего возбуждения уголовного дела в связи с гибелью своего близкого родственника, знакомиться с постановлением об отказе в возбуждении уголовного дела по данному факту и материалами, ставшими основанием для такого решения, со ссылкой на то, что в них содержатся сведения, составляющие государственную тайну. Конституционный Суд отметил, что использование результатов оперативно-розыскной деятельности, содержащих государственную тайну, при решении вопроса о возбуждении уголовного дела не может служить безусловным препятствием для ознакомления заинтересованных лиц с решением об отказе в возбуждении уголовного дела.

Конституционный Суд также указал, что отказ обвиняемому (подозреваемому) в приглашении выбранного им адвоката в связи с отсутствием у последнего допуска к государственной тайне, а также и предложение обвиняемому (подозреваемому) выбрать защитника из определенного круга адвокатов, имеющих такой допуск, является несоразмерным ограничением права на получение квалифицированной юридической помощи и права на самостоятельный выбор защитника.

В *Определении от 28 марта 2017 года № 542-О* заявители жаловались на отсутствие у обвиняемых и их защитников возможности снимать копии с несекретных материалов уголовного дела для использования в целях подготовки к судебному разбирательству вне места ознакомления с материалами уголовного дела, а также иметь надлежащие условия работы по месту ознакомления с материалами уголовного дела. Конституционный Суд, ссылаясь на правовые позиции, сформулированные ранее в *определениях от 7 ноября 2008 года № 1029-О-П*, *от 16 июля 2015 года № 1615-О* указал, что оспариваемые положения «не могут рассматриваться как позволяющее изымать и хранить при уголовном деле все врученные обвиняемому и его защитнику копии документов и сделанные ими выписки, независимо от того, затрагиваются ли в них сведения, составляющие государственную или иную охраняемую федеральным законом тайну, – за исключением случаев, когда все материалы уголовного дела мотивированным решением признаются секретными».

Использование или неиспользование адвокатом технических средств для снятия копий с материалов уголовного дела само по себе не может расцениваться как ограничение права на ознакомление с документами и материалами, поскольку «[эта деятельность] не образует содержания деятельности адвоката в качестве защитника в уголовном процессе и не является содержательной частью ... права задержанного, заключенного под стражу,

обвиняемого в совершении преступления пользоваться помощью адвоката» (см.: *Определение от 25 января 2012 года № 231-О-О*).

Конституционный Суд и ранее принимал ряд определений о праве адвоката фиксировать, в том числе с помощью технических средств, информацию, содержащуюся в материалах дела доверителя (*определения от 23 июня 2009 года № 934-О-О, от 20 ноября 2008 года № 852-О-О*). Однако изложенные в них доводы не раскрывают конституционно-правовой смысл оспариваемых положений.

В *Определении от 25 мая 2017 года № 1158-О* заявители, а именно обвиняемые за совершение преступления, предусмотренного статьёй 275 «Государственная измена» УК РФ, а также их адвокаты, оспаривали ряд норм УК РФ, УПК РФ, Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и Закона РФ «О государственной тайне». Нарушение своих прав они усматривали в том, что оспариваемые положения препятствуют знакомиться с секретными нормативными правовыми актами, которые использовались при производстве судебной экспертизы, положенной в основу обвинения.

Конституционный Суд пришел к выводу, что оспариваемые нормы не препятствуют разрешению вопроса об ознакомлении с использованными при производстве судебной экспертизы секретными нормативными правовыми актами, регулирующими вопросы установления ведомственного перечня сведений, составляющих государственную тайну.

Требование соразмерности ограничения права на получение информации, относящейся к государственной тайне, предполагает оценку всех имеющих значение для принятия соответствующего решения обстоятельств (в частности, характер информации, её относимость и значение для оценки обоснованности экспертного заключения) и разрешение в судебном порядке на основе состязательности вопроса о достаточности представленных сведений.

Во внимание было принято также то, что в материалах уголовных дел заявителей имеются выписки из соответствующих нормативных правовых актов с указанием пунктов и параграфов, обосновывающих доводы экспертов; тем самым, по мнению Конституционного Суда, стороне защиты надлежаще обеспечена возможность ознакомиться с нормативным регулированием в области отнесения к государственной тайне сведений, выдача которых инкриминируется обвиняемым.

3. Право адвоката на сбор информации, необходимой для оказания юридической помощи (адвокатский запрос)

В *определениях от 28 февраля 2017 года № 244-О, от 29 сентября 2011 года № 1063-О-О* заявители пытались оспорить подпункт 1 пункта 3 статьи 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», закрепляющий право адвоката на сбор сведений, необходимых для оказания юридической помощи. В одном случае заявителю было отказано администрацией муниципального образования в предоставлении заверенной копии решения о выделении земельного участка в 1991 году, принадлежащего другому лицу, в другом – заявителю отказало отделение Пенсионного фонда РФ в предоставлении сведений о размерах получаемых рядом граждан пенсий. По мнению заявителей, оспариваемое законоположение предоставляет правоприменителям возможность определять по своему усмотрению то, какие сведения являются необходимыми адвокату для оказания юридической помощи, и не позволяет адвокату самостоятельно истребовать сведения для предоставления суду в качестве доказательств.

Конституционный Суд в обоих решениях указал на допустимость установления в отношении той или иной информации специального правового режима, в том числе режима ограничения свободного доступа к ней со стороны граждан, в частности адвокатов. Конституционный

Суд отметил, что действующий режим не препятствует адвокату при рассмотрении судом конкретного дела с участием его доверителя обратиться к суду с ходатайством об истребовании доказательств, в том числе сведений, содержащих конфиденциальную информацию.

4. Обязанность защитника не разглашать данные предварительного расследования

В *Определении 6 октября 2015 года № 2443-О* Конституционный Суд рассматривал вопрос о наличии неопределённости в практике применения в отношении адвоката положений пункта 3 части второй статьи 38, части третьей статьи 53 и статьи 161 УПК РФ, содержащих запрет разглашения данных предварительного расследования и предусматривающие в качестве исключения, что такие данные могут быть переданы только с согласия следователя. Заявителю, являющемуся адвокатом, было отказано в передаче материалов дела специалистам для проведения исследований и юристам для составления жалобы в Европейский Суд по правам человека.

Конституционный Суд пришёл к выводу об отсутствии правовой неопределённости в оспариваемых положениях, руководствуясь при этом следующими доводами. Целью ограничений при ознакомлении с данными предварительного расследования и их распространении является сохранение в тайне полученной в ходе уголовного судопроизводства конфиденциальной информации. *Необоснованное* предание огласке данных предварительного расследования может привести к нарушению прав и законных интересов граждан, но и серьезно осложнить само производство по уголовному делу.

Установленное в статье 161 УПК РФ правовое регулирование не препятствует защитнику по уголовному делу в ознакомлении с протоколами следственных действий, произведенных с участием подозреваемого, обвиняемого. Кроме того, защитник не ограничен в праве знакомиться с материалами уголовного дела по окончании предварительного расследования, выписывать из них сведения и снимать за свой счёт с них копии. Таким образом, Конституционный Суд не нашел в оспариваемых положениях юридических предпосылок к отказу в праве на судебную защиту лицам, чьи права нарушены незаконными действиями и решениями органов предварительного расследования.

Отмечая также то, что следователь вправе самостоятельно направлять ход расследования, принимать решения о производстве процессуальных действий, Конституционный Суд подчеркнул наличие у следователя и обязанности сохранения тайны следствия. Таким образом, Конституционный Суд пришёл к выводу, что наделение следователя правом давать согласие на предание гласности данных предварительного расследования преследует публичный интерес и одновременно направлено на защиту прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

С особым мнением к *Определению от 6 октября 2015 года № 2443-О* выступил судья К.В. Арановский, сосредоточив внимание на тех сведениях, распространение или публичное комментирование которых не может быть признано «необоснованным приданием огласке». Судья отметил, что не всякая огласка вредит тайне следствия, а только та, которая «действительно вредит или реально может навредить расследованию, влечёт или объективно может повлечь нарушение прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства и других лиц».

В *Определении от 6 октября 2015 года № 2444-О* по жалобе гражданина В.Г. Дворяка Конституционный Суд привёл аналогичные доводы. Заявитель ознакомил в своем адвокатском кабинете заинтересованных лиц, не являвшихся подзащитными по уголовному делу доверителя, с содержанием протоколов допросов его подзащитного. После этого заявитель был привлечён к уголовной ответственности на основании статьи 310 УК РФ. Конституционный Суд в этом определении также указал, что для соблюдения баланса

конституционно значимых ценностей на правоприменительные органы «возлагается обязанность учитывать не только сам факт разглашения данных предварительного расследования, но и существо разглашённых данных, их соотношение с интересами предварительного расследования и (или) правами и законными интересами участников уголовного судопроизводства, которым причинен вред или которые находятся под угрозой причинения вреда ...».

В *Определении от 27 октября 2015 года № 2502-О* Конституционный Суд ещё раз подтвердил правовые позиции, сформулированные ранее в *Определениях от 6 октября 2015 года № 2443-О* и *№ 2444-О*.

5. Гарантии защиты адвокатской тайны

Гарантии соблюдения адвокатской тайны не предполагают неприкосновенность адвоката и не являются его личной привилегией как гражданина (*Определение от 8 ноября 2005 года № 439-О*). Конституционный Суд неоднократно подчёркивал, что под режим адвокатской тайны подпадают только те материалы, которые были получены адвокатом в связи с обращением доверителя к адвокату за оказанием юридической помощи или непосредственно в ходе оказания такой профессиональной помощи. Гарантии адвокатской тайны не распространяются на те объекты, которые могут свидетельствовать о наличии в отношениях между адвокатом и его доверителем признаков преступления или которые были получены адвокатом с нарушениями уголовно-противоправного характера (*постановления от 17 декабря 2015 года № 33-П* и *от 20 ноября 2010 года № 20-П*).

- *Обыск в помещениях адвокатских образований*

В *Постановлении от 17 декабря 2015 года № 33-П* Конституционный Суд выявил конституционно-правовой смысл ряда норм УПК РФ, которые позволяют суду удовлетворять ходатайства следователя об изъятии у адвоката материалов, составляющих адвокатскую тайну. Конституционный Суд рекомендовал федеральному законодателю предусмотреть правовой механизм, позволяющий при проведении обыска в отношении адвоката обеспечить дифференцированный подход к исследованию как материалов, которые содержат адвокатскую тайну, так и материалов, конфиденциальность которых не охраняется законом. Конституционный Суд указал на те гарантии защиты адвокатской тайны, которые впоследствии были предусмотрены статьёй 450.1 УПК РФ. В частности, в постановлении содержатся указания на необходимость получения санкции суда на проведение обыска адвокатского помещения и конкретизации в судебном решении объектов поиска и изъятия; запрет видео-, фото- и иной фиксации материалов адвокатских производств в той их части, которая составляет адвокатскую тайну.

- *Допрос адвоката об обстоятельствах, которые стали ему известны в ходе деятельности по оказанию юридической помощи*

Конституционный Суд указывает на недопустимость совмещения процессуальных функций защитника с обязанностью давать свидетельские показания по уголовному делу, в котором участвует адвокат (*определения от 9 ноября 2010 года № 1573-О*, *от 29 мая 2007 года № 516-О-О*). При этом запрет допрашивать адвоката об обстоятельствах, которые стали ему известны в связи с участием в производстве по уголовному делу или в связи с оказанием иной юридической помощи, распространяется на обстоятельства любых событий – безотносительно к тому, имели они место после или до того, как адвокат был допущен к участию в деле в качестве защитника обвиняемого, а также независимо от того, кем решается вопрос о возможности допроса адвоката – судом или следователем (*Определение от 29 мая 2007 года № 516-О-О*).

В *Определении от 29 марта 2016 года № 689-О* Конституционный Суд рассматривал жалобу заявителя на неконституционность статьи 188 УПК РФ, которая, по его мнению, позволяет вызывать участвующего в деле защитника для допроса в качестве свидетеля. Суд повторил свою позицию о том, что гарантии адвокатской тайны должны распространяться лишь на те отношения подозреваемых, обвиняемых со своими адвокатами, которые не выходят за рамки оказания собственно профессиональной юридической помощи. Конституционный Суд заключил, что закон не предполагает право следователя без достаточных фактических оснований вызывать участвующего в деле защитника для допроса в качестве свидетеля. Вопрос о том, в связи с какими фактическими обстоятельствами адвокат вызывался на допрос, требует установления фактических обстоятельств, и разрешение этого вопроса, как указал Конституционный Суд, не входит в его компетенцию.

- *Тайна переписка адвоката с подозреваемыми и обвиняемыми*

В *Постановлении от 20 ноября 2010 года № 20-П* Конституционный Суд рассматривал конституционность положений статей 20 и 21 Федерального закона № 103-ФЗ в части, предусматривающей осуществление администрацией места содержания под стражей цензуры в отношении переписки подозреваемых и обвиняемых со своими адвокатами. В указанном постановлении Конституционный Суд выявил конституционно-правовой смысл оспариваемых положений.

Конституционный Суд отметил, что администрация следственного изолятора вправе осуществить цензуру переписки подозреваемого или обвиняемого со своим адвокатом, при условии, что имеются достаточные и разумные основания предполагать наличие в переписке недозволенных вложений. Наличие таких вложений должно проверяться только в присутствии самого этого лица. Цензура переписки с адвокатом допускается также в случаях, когда имеется обоснованное подозрение в том, что адвокат злоупотребляет своей привилегией на адвокатскую тайну или что такая переписка ставит под угрозу безопасность следственного изолятора или носит какой-либо иной противоправный характер.

В таких случаях администрация следственного изолятора обязана принять мотивированное решение об осуществлении цензуры и письменно зафиксировать ход и результаты соответствующих действий.